

ДОРОГОБУЖ

Александрю Сергеевичу Орлову и
Сергею Васильевичу Серкову

Со дна июньских тёплых луж
Тянуло мёдом, льном и кожей,
И вечер, вежливый прохожий,
Нас пригласил в Дорогобуж,

Где дождь, задумчив и покоен,
Кропил торговые ряды,
И большегрузные следы,
И дух усопших маслобоен,

Полки канатной конопли
И залежи пластичной глины,
Мещанских домиков руины
И плинфы кривичей в пыли,

И колченогих стариков
У перекошенной ограды,
Их опалённые награды
За Ржев, Смоленск и Могилёв.

Дождь лил, слоняясь по дворам,
Передохнул в тиши сарая,
Кусты и грядки освежая,
Ушёл к блестящим куполам,

Где жизнь доверчива, мудра,
Щедра, смиренна и упряма,
Сокрыта от Москвы и гама,
Где дремлет солнце возле храма
Петра и Павла,
Павла и Петра.

БОЛДИНО

Святому преподобному Герасиму Болдинскому
Переславскому и Смоленскому чудотворцу

На повороте я сжимаю стырь,
И полным ходом заскользила лодка.
За берегом леса, путь в монастырь,
А по пути – изба в нём домоводка.

Хозяйка сиротливого села,
Затворница, не давшая обета,
Проезжим пироги она пекла
И тем жила от лета и до лета.

И дом её среди густой травы,
За домом сад, сарай, задок и грядки,
И жизнь её в размеренном порядке,
Спокойно всё, ведь все вокруг мертвы.

Спросил её: «Да как же ты жива,
Зажатая дремучим чернолесьем?»
Она с улыбкой отвечала: «Да жива,
А что, милоч, мы в жизни этой весим?»

Что весим мы? Что главное для нас?
В мгновенья, когда свет сердечный гасим,
И почему – в который уже раз –
Меня врачует Болдинский Герасим?

БЕДНИК

Под покровительство икон
В теплушке в стены интерната
На монастырский рацион
Доставлен был солдат когда-то,

В кулак зажав засохший хлеб,
Вновь смерти ждал смоляк безногий,
Никто не знал, когда ослеп
Герой военных антологий.

Не мог смотреть он вверх и вниз,
И как на фронте, было страшно,
Боялся он прыгучих крыс,
Шныряющих вокруг вальжно,

Они сжирали всю еду,
И в тьму вползала голодуха,
И он, познавший нищету,
Был жив Господней силой духа.

* * *

Александр Трифоновичу
Твардовскому

Я без вести не пропадал под Ржевом,
Не замерзал в Мончаловских лесах,
Не побывал на правом и на левом
Омытых кровью волжских берегах.

И не курил в окопах самокрутки,
Не пил из фляги перед боем спирт,
Не отпуская мне Вася Теркин шулки,
Но смерти мне знаком холодный флирт.

И жизнь моя не сказка, не халява.
Кто скажет мне, что я себя берёг.
Нас всех с годами встретит переправа,
Я для неё давно не новичок.

И в миг, когда начнётся перевозка
И лестницей вдруг станут облака,
Меня поманит из-за солнца тёзка,
Признавший в моём сердце земляка.

* * *

Смиренная вода немых озёр,
Читал я «Отче наш...», сжимая чётки,
И ощущал твой вековой надзор
Над звёздами в небесном околотке.

И слышалось мне пение уключин
И тихий шёпот каждого гребка,
Я был с тобой, Смоленщина, созвучен,
Ты для меня близка и далека.

Я шёл во тьме на смоляной долблёнке
На берег дальний, где среди купав
Уснуло время, позабыв о гонке,
Неравный ход событий задержав.

И радовался я проплывшей рыбе,
Тому, что впереди родная твердь,
И берегу свиданий в недосыпе,
Где утро разделяло жизнь и смерть.

ВИСЕЛЬНИК

Василию Михайловичу Серкову

То время было горько-вязкое,
Дома от взглядов скрыла ночь.
Он шёл с оглядкой в Новоспасское –
Хотел увидеть сына, дочь...

За ним леса, поля ржаные,
Деревни край и в ряд снопы.
Придёт он скоро к Евдокии –
Вот изгородь, вот край избы.

Её он сам воздвиг когда-то,
Вот первое окно с резьбой.
Убрал он руку с автомата –
Вот-вот он встретится с женой.

Но не судьба, и как-то быстро
Произошёл его захват:
Соседа взгляд, крик бургомистра,
Десятки вермахта солдат.

Наутро к месту подлой казни
Он шёл по сродников земле
И горделиво, без боязни
Взглянул на солнышко в петле.

Повешен был он в Новоспасском
Под русский плач, тюрингский смех.
А с неба дождик бил по каскам,
Как будто мстил один за всех.

* * *

Михаилу Васильевичу Исаковскому

Что нужно для счастья людского,
Поведай, пастуший рожок,
Ты сделан из бычьего рога,
Ты внешне печален и строг.

С тобой я во время каникул
Знакомство дорожное свёл,
Ты звал нас на солнечный выгул
В места, где почил богомол,

Где в дальнем под Рославлем причте
Известен мой родственник дяк,
Вы звуки его возвеличьте,
Он был сердобольный добряк.

Гулял по монашеской руге,
Играл для него свинопас
О Боге, о счастье, о друге,
Быть может, о нынешних нас.

КАНОНИЦА

Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряди в платок.
Что тебе снится, родная канонница?
Где твой избранник израненный слѣг?

Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой орудийный затих?
Где же погиб твой весѣлый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?

Долгие годы жила ты в затворе,
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.

Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея,
Ты – словно Бога земная хвала.

Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты – приходящих молитвенный тыл.
Вечер Пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.

ДИВО

«Помоги мне, внучек, помоги же!» –
Воскликнула бабка у ларька.
Шаг, другой – я становился ближе,
Мы стояли в первомайской жиже,
Вот меня взяла её рука.

Платьице старинное в горошек
И послевоенный макинтош.
Говорит: «Ну, может быть, возьмёшь
Хоть одну из четырёх матрёшек? –
Мой товар намоленный хорош!»

Плечи макинтоша все в помёте,
С образом угодницы платок.
Говорит: «Родименький внучок,
Господин, товарищ, ну, возьмёте?» –
Поправляя Божий образок.

«Ты не думай, я не побирушка!
Отнесись с доверием к вещам,
Посмотри – и убедишься сам –
Это ведь счастливая игрушка,
Я тебе задёшево продам.

Дед мой, хоть без ног, но ещё ловок,
Правда, выпивает и охрип.
У него из самых мягких лип
Сушатся десятки заготовок,
Только третий день замучил грипп.

Мастерит он множество фигурок,
Мне бы прикупить ему гуашь.
Вот отправил и сказал: «Продашь!»
Раздавил протезами окурки,
Он же офицер, а не торгаш.

Да ругнёт, бывает, меня матом
И сидит, нахмурившись, один;
Вспоминает Вязьму и Берлин –
Мы же повстречались в сорок пятом,
В день его небесных именин.

На себе тогда его тащила,
Был тяжёл израненный мужик.
Я не помню отрешённый крик –
Всё звала святого Михаила –
Вот и выжил милый фронтовик.

Года два за ним носила утку,
Он ходить тогда ещё не мог.
Знаешь, дорогой ты мой внучок,
Жизнь сыграла с нами злую шутку.
Сколько я молилась – знает Бог».

Словно нимб, вокруг летали мошки
Над её покрытой головой.
Я был между миром и войной.
А в портфеле нежные матрёшки
О любви шептались фронтовой.

БОБЫЛИХА

А мы с тобой в природном сросте.
Чего ещё мне пожелать?
Но я к тебе не еду в гости.
Как сын, в делах забывший мать.

Мне снится колкий верещатник
И холм, что издревле лесист,
И твой промокший чёрный ватник,
И дом, который неказист.

И ты, присев за подоконник,
Роняешь две скупые слезы.
Глядишь пугливо в бабкин сонник
И ждёшь, когда придут возы.

И в этот миг из-за околиц
Снисходит свет немой луны,
И в нём любимый доброволец,
Погибший в первый год войны.